Проблемы права в контексте лингвистической философии

Н. Н. Равочкин

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Автор анализирует актуальные проблемы права с позиции лингвистической философии, представляя множественную связь феноменов права и языка, демонстрирует решение вопросов сущности права, объединяя достижения разнообразных направлений лингвистической философии с современными интерпретациями и гипотезами, что связано с рецепцией идей. Рассматривая применение социально-философского потенциала лингвистической традиции к юридическим текстам, в соотношении с моралью и, главным образом, с политикой, автор устанавливает значение лингвистической традиции и для философии в целом, и для ее практического аспекта.

Ключевые слова: лингвистическая философия; проблемы права; право; язык; правовые институты; аналитическая философия; текст; мораль; политика.

Law Issues in the Linguistic Philosophy Context

N. N. Ravochkin

Kemerovo State Agricultural Institute, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author analyzes the current problems of law from the perspective of linguistic philosophy, noting the urgency of referring to such an approach, which is based on the multiple connection of the phenomena of law and language. The author has determined that the linguistic tradition allows a different look at the legal reality itself. Discovering the earlier social and philosophical potential of the linguistic philosophical tradition, the author, taking into account the analysis of works and classics, represents its importance for modern society. Defining linguistic philosophy as a set of various directions, the author demonstrates the solution of such questions of the essence of law by the classics of this trend and modern interpretations and hypotheses, which, of course, is connected with the reception of ideas. Defining current problems of law, the author focuses on the application of the philosophical and linguistic potential with respect to legal texts, deepening ties and relations with morality, but mainly with politics. In conclusion, the significance of the linguistic tradition is established for philosophy as a whole, as well as in its practical sense.

Keywords: linguistic philosophy; problems of law; law; language; legal institutions; analytical philosophy; text; morality; politics.

Набирая социальную значимость, дифференцируясь и трансформируясь в неоформы, а также имея полярные различия в оценках своего соответствия современности и применения в практике, право как один из важнейших социальных феноменов требует философского обоснования с точки зрения различных

методологических установок. Лингвистическая философия выступает собирательным понятием, так как включает в себя разнообразные направления философской мысли, являясь при этом одним из направлений аналитической философии, и имеет соответствующий круг решаемых проблем. Вспомним, что «лингвистическая философия занимается исследованием языка как средства изучения, отражения и познания мира. Поскольку философия занимается вопросами бытия и познания, то для лингвистической философии актуальны вопросы, связанные с ролью языка в этих процессах» [1, с. 71].

Так, в связи с переосмыслением понимания роли языка в онтологическом, гносеологическом и, что особенно существенно, аксиологическом и праксиологическом смыслах, в круг решаемых лингвистической философией проблем входит проблема политики и права: принципы их существования, а также вопрос привнесения собственной интерпретации процессов оформления и функционирования политических и правовых институтов [2]. При этом несмотря на нововременное институциональное оформление в соответствующих индустриально развитых государствах (Великобритания, США, Франция и др.), а также на имманентное присутствие идей лингвистической философии в трудах, например, Т. Гоббса, И. Бентама [3; 4] и Г. В. Ф. Гегеля [5], аналитическая философско-правовая теория получает свой расцвет только в XIX в. в работах Дж. Л. Остина и его последователей. Сразу уточним, что не будем устанавливать критерии демаркации между понятиями «аналитическая философия» и «лингвистическая философия» (попытки понимания их тождественности встречаются, например, в работе Н. В. Мальчуковой [6]).

В труде томского философа В. В. Оглезнева приводится замечание Е. В. Афонсина и А. Б. Дидикина по поводу истории развития аналитической философско-правовой традиции: «Развитие западноевропейской философско-правовой мысли в первой половине XIX в. происходило

в условиях формирования философии позитивизма и процесса дифференциации политико-правовых знаний о закономерностях функционирования правовой действительности, которое было обусловлено воздействием факторов, относимых упомянутыми авторами к “внешним” и “внутренним”» [7, с. 81]. Оглезнев в качестве *внешних* факторов развития аналитической философии рассматривает социально-экономическую и историческую динамику развития европейских государств [7]. Это и постепенное ослабление абсолютистских монархий, и взаимосвязанное и логически соответствующее таким процессам усиление значимости либеральных ценностей. Однако главным образом Оглезнев сосредоточивается на конституционализме как виде общественного устройства, сопряженном с «вовлечением различных социальных групп в политические процессы» [7, с. 82].

В свою очередь, *внутренние* факторы оказываются напрямую связанными с идейным наследием. Сюда отнесем тот факт, что во второй половине XIX в. среди множества философско-правовых учений принципиальный вес имели идеи так называемого *естественного права*, а также «априорные и рационалистические представления о человеке как политическом существе, основанные, как правило, на доминирующей системе ценностей в конкретных государствах» [7, с. 82]. Классическая, известная с Античности сущность естественного права проявляется «в том, что оно представляет собой свойство бытийствующего субъекта, который определяется мировым порядком» [8]. Будем придерживаться мнения, что Б. Бикс дает исчерпывающее определение естественного права, обобщающее классические концепции. По его мнению, естественное право «представляет собой совокупность моральных, метатеоретических и (для некоторых теоретиков) теологических утверждений» [5, с. 215]. По причине приближения к реальности мы связываем осознание интеллектуальной необходимости «обособления юридической сферы в самостоятельную область научного знания

и общественной практики, создания специальных юридических методов, которые могли хотя бы внешним образом обеспечить «автономию» правового мышления и самостоятельность юридического сообщества» [7, с. 82]. В дальнейшем такая логика приводит к выделению аскриптивной и дескриптивной природы правовой реальности, что определяет ее прикладное значение. Объясним это явление через возможность описания основных принципов правоприменения и указание на преимущества и недостатки как эмпирического, так и теоретического правопонимания.

В связи с тем, что в середине XIX в. лингвистическая философия права испытывала существенное влияние позитивистской концепции, именно из-за базиса — внушительного количества концепций классического естественного права, — обнаруживается некоторая конкуренция между утверждениями представителей естественно-правовой теории и теоретиков юридического позитивизма в связи со схожестью аргументации [5].

Философский и юридический анализ сущности и принципов существования права был направлен в первую очередь «на формально-логическое истолкование правовой нормы», поэтому «реальность права как социального феномена приобретала эмпирический и нормативный характер» [7, с. 82]. Отсюда обозначим важность понимания следующего факта: представители аналитической философии достаточно скептически были настроены на критику рационалистической философской традиции. Во многом это связано с ее ориентацией на априорное знание и на трактовку теории о правах и свободах человека как системы, обладающей заранее заданной структурой, детерминирующей не только существование, но и поведение человека [9]. Из такого понимания сущности структуры человеческого поведения и происходит понимание правовой реальности, будто регламентирующей его поведение раз и навсегда.

Вместе с тем данная концепция понимания правовой реальности не устраивала представителей лингвистической

философии, что в конечном счете стало причиной интерпретации ими права как совокупности норм, «предусмотренных действующим законодательством и содержащих властные предписания, исполнение которых обеспечивается мерами государственного принуждения» [7, с. 82]. Допустим, что властные субъекты устанавливают ту систему права, которая, по их представлению, становится некоторым прототипом «идеальной правовой системы» в конкретном обществе, проявляясь в жизни индивидов и социума. Таким образом, задача исследователя правовой реальности сводится к установлению подлинного содержания правовых норм [7]. Фактически это означает, что с середины XIX в., при воздействии позитивистской парадигмы на лингвистическую философию права, происходит некоторое совершенствование методологии — от сугубо теоретического исследования сущности права к его практическому пониманию. Помимо этого появляются принципиально новые способы трактовки сущности права. Согласно Б. Биксу, именно с этого периода «аналитическая философия права занимает центральное положение в юриспруденции» [5, с. 211].

В последующем часть представителей лингвистической философии права, в соответствии с их приверженностью к определенной методологии, становятся последователями юридического позитивизма. К таковым отнесем наиболее известного исследователя Г. Л. А. Харта, который в своих работах стремится избежать априоризма рационалистической философии, указывая на необходимость исследования сущности права исходя из конкретного социального, политического, культурного контекста и использования эмпирических методов исследования. Идеи Харта занимают видное место среди наиболее значимых [10]. Обратим внимание на влияние повседневного языка на концепцию Харта и используемые им методы. Харт занимается исследованием юридического языка, обнаружив в нем наличие ряда противоречий. Одно из них состоит в том, что к анализу юридических терминов

применимы лишь лингвистические методы. Такой тезис влечет за собой два вопроса: возможно ли воспринимать юридические нормы как вид лингвистических правил и действительно ли соблюдение правил грамматики повлечет за собой эффективность правоприменения? Применительно к праву суть проблемы, поднятой английским мыслителем, состоит в том, чтобы вывести те или иные критерии, которые позволили бы отличить юридические феномены, в том числе и правовую реальность, от неюридических. В своей основной концепции Харт отрицает существование необходимости связи морали и права. Продолжая в некоторой степени линию рассуждения Дж. Л. Остина, он, как пишет В. П. Макаренко, признает, что «право познается на основе социальных свойств и толкуется в соответствии с его спецификой», и отвергает тезис, что «право как таковое есть обобщение приказов суверена, а позитивное право есть приказ суверена» [11, с. 12]. В дальнейшем признание Хартом правил и последующее правоприменение будет оцениваться как эффективное при их соответствии критериям общеобязательности для конкретного государства. Так начался герменевтический поворот в аналитической традиции философии права, который привнес социологическую составляющую (конвенции и социальные факты), фундирующую правовую систему. Субъект сам определяет, какие «правовые правила являются руководством к действию», а социальный факт становится тем критерием, который позволяет «отличить нормы от привычек, поскольку тот, кто принимает норму, использует ее как оправдание своих действий или как оправдание критики на отклонение от того, что предписывает норма» [5, с. 215].

В теории Харта также усматривается некоторое поле для будущих дискуссий в части возможностей политических институтов создать такую систему права, которая бы соответствовала критериям общеобязательности в той или иной стране и учитывала однозначность законов в конкретных ситуациях. В воззрениях Харта прослеживается

еще один любопытный момент: снятие разделения права и политики в момент признания правила законом [11]. Поясним, что именно по этой причине сегодня вполне доказанным является существование синкретизма политики и права, обусловившего их прочтение в институциональной форме: «политико-правовые институты».

Научные работы другой части мыслителей связаны с именем Л. Л. Фуллера, на философско-правовые воззрения которого, по его собственному убеждению, коренным образом повлияли два противоположных направления — «философия обыденного языка» Дж. Л. Остина, с одной стороны, и «утилитаризм» — с другой [4], что доказывает наличие как естественного языка, так и искусственного. Причем первый имеет в своей структуре значительно больше *внутренних* проблем, связанных с использованием терминов. Именно по этой причине многие представители аналитической философии права стремились к минимизации неточности понимания терминологического ряда естественного языка и фиксированию аналитики слов в целях формирования точных юридических терминов. Что касается искусственного языка, то, по меткому замечанию философа права Л. Л. Фуллера, философия утилитаризма имеет «фундаментальный недостаток, который искажает соотношение средств и целей — недостаток, смягченный, но не исправленный в том его варианте, который называют утилитаризмом правил» [12, с. 234]. В связи с этим существенно понимание права Фуллером, дополненное В. В. Архиповым: «право являет собой целеположенную деятельность, цель которой заключается в “подчинении поведения людей руководству и контролю со стороны общих норм”» [13, с. 146]. Фуллер отмечает видимый лингвистический конфликт между своим тезисом, относящимся к естественному праву и содержащим только отдельные аргументы позитивизма, и воззрениями теоретиков юридического позитивизма. Кроме этого, как указывает А. Б. Дидикин, в концепции рассматриваемого философом права исследовательский акцент направлен

не столько на юридические правила, сколько на «правовые отношения как совокупность юридических процедур по реализации норм права» [14, с. 420]. В этом отношении приходится признать, что на основании методологии утилитаризма вполне возможны оказываются теоретические разработки нормативно-правовых актов с последующей практикой их правоприменения, однако такие акты эффективны исключительно в краткосрочной перспективе. Во многом это объясняется сосредоточением на внутреннем, моральном содержании юридических норм. Предположим, что такое содержание имеет динамический характер. Вместе с тем это выглядит как существенный недостаток, поскольку право, исходя из его сущности, ориентировано на перспективу долгосрочную, ввиду более устойчивого характера, чем большинство социальных феноменов.

Ограничение рациональности права удачно аргументирует С. Э. Зархина. Она приводит цитату Фуллера: «С помощью разума можно сформировать основную структуру правовой системы, но он не способен подготовить право к каждому повороту человеческих дел». Затем Зархина поясняет причину естественных пределов рациональности права: «В значительной степени такое ограничение рациональности права обусловлено несовершенством языка. Логические позитивисты требовали четкого и однозначного языка описания. Очевидно, это был бы *идеальный*, а не *реальный* язык» [15, с. 305].

Перейдем к вопросу о *старой* и *новой* школе в истории аналитической философии права. Определим различия в методологии двух школ. Философы-аналитики *новой* школы экстенсивно занимаются исследованием сущности и принципов функционирования правовой действительности, применяя методологию исследования к более широкому кругу проблем. Следовательно, на уровне прагматики и возможностей решения проблем, связанных с правовой реальностью социума, философская доктрина новой школы имеет значительное преимущество

и практическую полезность. Отличие школы еще и в том, что анализируется более широкий диапазон понятий в рамках большого многообразия аналитических действий. В ходе исследований В. В. Оглезнев установил, что интеллектуальная деятельность философов-аналитиков новой школы может быть условно разделена на четыре основных направления: 1) «анализ существующей концептуальной структуры права; 2) создание новых концептуальных структур права с соответствующей терминологией; 3) рациональное обоснование существующих и предполагаемых правовых установлений; 4) телеологическое толкование, означающее, что принятие социальных целей подразумевается в терминах социальных мер и социального упорядочения» [7, с. 84].

В целом философы новой школы занимаются весьма конкретными вопросами сущности права и применимости к практической, социальной действительности. В связи с этим разберем подробно позицию Дж. Л. Остина. Он утверждает, что наличие обязательства в форме правовых норм состоит в том, что субъект, будь то отдельный индивид или социальная общность, находится под угрозой применения санкции, но только в том случае, если он не действует или воздерживается от предписанного действия [16]. Отсюда вполне логичен вывод: сущность правовой нормы состоит в предписании правильного действия в социальной системе. Элиминирование такой нормы приводит к соответствующим санкциям со стороны официальных политических институтов.

Итак, вполне очевидно, что аналитическая традиция продолжает оказывать существенное влияние на современную философию права. Один из способов решения проблемы сущности права дает также концепция Г. Кельзена. Для философа принципиальным стал тезис об отсутствии традиционных причинно-следственных связей в сфере правоотношений, поскольку правоотношения во многом формируются и устанавливаются уполномоченными субъектами при юридической квалификации фактов [17].

Значит, принципы традиционной методологии науки оказываются неприменимыми в исследовании правовой реальности. В частности, Кельзен указывает на невозможность обращения к наблюдению и эксперименту при изучении правовых процессов и фактов. Кроме того, Кельзен и его последователи стремились «максимально дистанцировать юридическое познание от неюридических методов путем выстраивания логической иерархии правовых норм и введения метафизических оснований такой правовой системы в нормативизме» [17, с. 78].

Следующий аспект проблемы сущности права заключается в том, что правовые нормы есть специфический регулятор поведения человека в социуме, что они не сводятся в полной мере к иным способам регламентации. С одной стороны, здесь важным представляется употребление как юридических, так и неюридических терминов [18] и правил, регулирующих существование человека в социуме. С другой стороны, решение этого вопроса возможно через методологическую характеристику действий, которые могут выступать объектом правового регулирования. Однако физическое перемещение или социальное взаимодействие может быть вписано в юридический контекст, поэтому выделение таких вопросов становится возможным благодаря обращению юриспруденции к методологии лингвистической философии.

Исходя из вышесказанного, обозначим положения, определяющие значение лингвистической философии в области права. Начнем с того, что обращение аналитической традиции к языковой реальности ставит существенный вопрос о значении языковой реальности в целом и об анализе терминов в частности. Так, после отказа ряда философов-аналитиков от стремления изучать естественный язык остальные заявили о потребности в его изучении, что в конечном счете привело к необходимости обращения к традиционной проблематике «наук о духе» [19, с. 129].

Незаметно эта философская традиция через обращение к языку правовой реальности и позитивистской методологии выходит

в такую область, которая в предшествующие эпохи не то чтобы совершенно не исследовалась, а даже элиминировалась из предмета философского исследования по причине невозможности применения естественно-научных методов. Так, по мнению Т. А. Орловой, если в «Трактате» выдающегося представителя аналитической философии Л. Витгенштейна «единственным видом осмысленных предложений были предложения науки, то этические, эстетические, религиозные предложения оказывались вне фактов мира, и, будучи сформулированными в языке, становились просто бессмысленными» [19, с. 129]. Именно по этой причине развитие аналитической философии вначале способствует заинтересованности в вопросах этики, эстетики и социальной нормативности в целом, а в итоге — приводит к вполне рациональным попыткам решения конкретных вопросов.

Принципиальной составляющей проблемы сущности права становится обращение к соотношению значения и знака, постигаемому в неразрывном единстве. Значение, которое мы придаем знаку, в рамках аналитической философии трактуется как то, что получает содержание исключительно в контексте. Отсюда следует, что знак имеет значение только в системе знаковой реальности. Для правовой действительности это положение свидетельствует о том, что нормативно-правовой акт может получить значение, обрести содержание, только в том случае, если он существует и функционирует в определенном контексте [20]. Вне контекста акт как минимум изменит свое значение, как максимум — просто потеряет его. На практике обращение к правовой реальности становится возможным только в определенной ситуации, которая достаточно жестко детерминирует возможности правоприменительной деятельности.

Отталкиваясь от сути и задач лингвистической философии, находим языковую сущность самого права несомненной. Для исследователей это открывает принципиально новые лингвистические средства познания феномена права, а также позволяет

спроецировать на него свойственные языку характеристики. Имея в виду проводимые сегодня научные изыскания, отметим, что лингвистическая философия уже обращена на поиск оснований различных отраслей права. Это стало возможным за счет усовершенствования аналитических методов и разработки нормативных средств.

Признаем, что лингвистическая философия при помощи своего инструментария решает сложившуюся в правовых системах проблему формулирования специальных юридических дефиниций. Это логично, поскольку правовая реальность, представленная нормативными правовыми актами, находит свое проявление в текстовом виде. Ю. П. Боруленков также полагает, что проблема текста все чаще появляется в предметном поле современных философов [2]. Ранее невовлеченность категории «правовой текст» не вызывала острых дискуссий. Однако во многом благодаря лингвистической философской традиции, внесшей свой вклад в динамику и изменчивость науки, сегодня обращение к изучению правовых текстов позволит не только избежать одностороннего и искаженного понимания его трактовок, но и приведет к появлению новых интерпретативных практик (контекстов) [21].

Языковые аспекты права, полагаясь, требуют дальнейшей разработки еще и по причине различий в трактовке понятий в национальных языках. Таким образом, «лингвистический поворот» обнаруживает потребность права в языке и выявляет многогранные связи: только через язык выражается специфика права, обуславливаются его восприятие и последующие особенности толкования. Понимание лексического и синтаксического уровней языковой системы правового текста, выражающей не только законы, но и философско-правовые идеи, концепции и теории, определяет поведение, и в соответствии с другими социальными нормами — взаимодействие между индивидами. Обоснование сущности права и правовой реальности в условиях гносеологического плюрализма требует критического

анализа, который относительно этого феномена возможен только извне — и вполне осуществим в пространстве философского дискурса. Кроме того, содержательное постижение правовой реальности в контексте лингвистической философии представляется возможным в координации не только с моралью, но и с политикой.

Литература

1. **Равочкин Н. Н.** Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70—74.
2. **Боруленков Ю. П.** Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 206—216.
3. **Афонасин Е. В., Дидикин А. Б.** Философия права. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. 92 с.
4. **Оглезнев В. В.** Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5 (42). С. 7—10.
5. **Бикс Б.** О философии в американском праве: аналитическая философия права / [Пер. В. В. Оглезнева] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 211—218.
6. **Мальчукова Н. В.** Возможности и перспективы аналитической философии как философии языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 132—142.
7. **Оглезнев В. В.** Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81—88.
8. **Равочкин Н. Н.** Современная интерпретация естественных прав под влиянием идей аналитической философии // Философия социальных коммуникаций. 2017. № 4 (41). С. 25—27.
9. **Дидикин А. Б.** Формирование аналитической традиции в современной философии права // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4 № 1. С. 149—165.
10. **Оглезнев В. В.** Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 7—10.
11. **Макаренко В. П.** Аналитическая философия права: концепции и проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 10—33.
12. **Фуллер Л.** Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.
13. **Архипов В. В.** Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 145—152.
14. **Дидикин А. Б.** Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8 № 2. С. 418—424.

15. Зархина С. Э. Взгляды Лона Л. Фуллера на язык права // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 297—306.

16. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. London: J. Murray, 1832. 391 p.

17. Дидикин А. Б. Право как лингвистический феномен: к постановке проблемы // Проблемы методологии и философии права: сб. статей участников III Международного круглого стола (Самара, 26–27 февр. 2016). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С. 76—86.

18. Юрьев Р. А. Теория речевых актов в аналитической философии и ее философско-правовое значение // Вестник Кузбасского института. 2014. № 3 (20). С. 176—182.

19. Орлова Т. А. Лингвистическая философия и ее значение для современной политической философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 1. С. 128—134.

20. Блинов Е. Н. Политическая философия языка: к новой типологии экикулярности // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29 № 3. С. 165—175.

21. Беляев М. А. Гносеологическая характеристика предмета теории права // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6 № 3. С. 103—108.

Поступила 05.01.2019

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. Ravochkin N. N. Lingvisticheskii povorot: sotsial'no-filosofskii potentsial (Linguistic Turn: Social and Philosophical Potential), *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2018, No. 8, pp. 70—74.

2. Borulenkov Yu. P. Metodologiya yuridicheskogo poznaniya: lingvisticheskii podkhod (Methodology of Legal Knowledge: Linguistic Approach), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2013, No. 10, pp. 206—216.

3. Afonasin E. V., Didikin A. B. Filosofiya prava (Philosophy of Law), Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2006, 92 p.

4. Ogleznev V. V. Analiticheskaya filosofiya prava: novyi podkhod k resheniyu starykh problem (Analytical Philosophy of Law: New Approach to Old Problems Decision), *Filosofiya prava*, 2010, No. 5 (42), pp. 7—10.

5. Biks B. (Bix B. H.) O filosofii v amerikanskom prave: analiticheskaya filosofiya prava (On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2013, No. 2 (22), pp. 211—218.

6. Mal'chukova N. V. Vozmozhnosti i perspektivy analiticheskoi filosofii kak filosofii yazyka (Possibilities and Perspectives of Analytic Philosophy as Philosophy of Language), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2013, No. 2 (22), pp. 132—142.

7. Ogleznev V. V. Istoki sovremennoi analiticheskoi filosofii prava (Sources of Modern Analytical Legal Philosophy), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, No. 4 (8), pp. 81—88.

8. Ravochkin N. N. Sovremennaya interpretatsiya estestvennykh prav pod vliyaniem idei analiticheskoi filosofii (Modern Interpretation of Natural Rights under the Influence of Ideas of Analytical Philosophy), *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsii*, 2017, No. 4 (41), pp. 25—27.

9. Didikin A. B. Formirovanie analiticheskoi traditsii v sovremennoi filosofii prava (The Formation of Analytical Tradition in the Contemporary Philosophy of Law), *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, 2010, T. 4 No. 1, pp. 149—165.

10. Ogleznev V. V. Yuridicheskii yazyk i analiticheskaya filosofiya prava (Legal Language and Analytical Philosophy of Law), *Filosofiya prava*, 2014, No. 3 (64), pp. 7—10.

11. Makarenko V. P. Analiticheskaya filosofiya prava: kontseptsii i problemy (Analytical Philosophy of Law: Conceptions and Problems), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2002, No. 6 (245), pp. 10—33.

12. Fuller L. Moral' prava (The Morality of Law), M., IRISEN, 2007, 308 p.

13. Arkhipov V. V. Lon Fuller o sootnoshenii prava i morali (L. Fuller on Correlation of Law and Morality), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2004, No. 6 (257), pp. 145—152.

14. Didikin A. B. Sovremennye teorii estestvennogo prava i klassicheskaya traditsiya (Modern Natural Law Theories and Classical Tradition), *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, 2014, T. 8 No. 2, pp. 418—424.

15. Zarkhina S. E. Vzgl'yady Lona L. Fullera na yazyk prava (Views of Lon L. Fuller on the Language of Law), *Problemy zakonnosti*, 2012, No. 120, pp. 297—306.

16. Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. London, J. Murray, 1832. 391 p.

17. Didikin A. B. Pravo kak lingvisticheskii fenomen: k postanovke problemy (Law as a Linguistic Phenomenon: To a Statement of the Problem), *Problemy metodologii i filosofii prava, sb. statei uchastnikov III Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Samara, 26–27 fevr. 2016)*, Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2016, pp. 76—86.

18. Yur'ev R. A. Teoriya rechevykh aktov v analiticheskoi filosofii i ee filosofsko-pravovoe znachenie (Theory of Speech Acts and Its Meaning in the Philosophy of Law), *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2014, No. 3 (20), pp. 176—182.

19. Orlova T. A. Lingvisticheskaya filosofiya i ee znachenie dlya sovremennoi politicheskoi filosofii (Linguistic Philosophy and its Role in Modern Political Philosophy), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6 Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, No. 1, pp. 128—134.

20. Blinov E. N. Politicheskaya filosofiya yazyka: k novoi tipologii veikulyarnosti (Political Philosophy of Language: Towards New Typology of Vehicularity), *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2011, T. 29 No. 3, pp. 165—175.

21. Belyaev M. A. Gnoseologicheskaya kharakteristika predmeta teorii prava (Gnoseological Characteristics of the Legal Theory Subject), *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 2008, T. 6 No. 3, pp. 103—108.

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru

Submitted 05.01.2019